

РУССКИЙ ХАРАКТЕР

«Он с костью носил имя
своего великого предшест-
венника».

Т. ДРАЙЗЕР.

«Моя родина, моя родная земля, мое отечество, — в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе...» — писал Алексей Толстой в одной из своих статей. Этой горячей любовью проникнуто все творчество замечательного советского писателя.

Идти по следам его литературной биографии — значит, прежде всего, думать вместе с ним о судьбе русского народа на больших перевалах истории. Тут его главная, трепещущая жизненная тема. Тут он становится певцом революции.

Талант его был монументален. Как гора, возвышался он над равнинами жизни, и с его высоты Толстой видел много и далеко. Его тянуло к большим полотнам, к мускулистым, полнокровным властным характерам, к героическим деяниям человека. В нем, как в худож-

нике, было что-то от былинных богатырей: дремучая сила Ильи, хитрость Алеши Поповича, безбрежная удаля Василия Буслаева.

Когда он родился, был у него значительный титул — граф, и еще более значительная фамилия — Толстой. Его молодой талант задышался в предреволюционной России, он метался, не находя себя в годы первой мировой войны. Первые произведения носили часто бытоописательный характер.

Революция и гражданская война вырвали Толстого из этого узкого, замкнутого круга. Засверкнуло во всю мощь литературное мастерство художника. Он увидел, по выражению Чехова, куда идти, куда звать читателя, нашел цель. Его мысль устремляется в просторы больших событий, в историю, в широкие обобщения классового народного характера. Это читатель Толстого находит и в рассказе «Рукопись,

найденная под кроватью», и в «Хождении по мукам», и даже в фантастических романах «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина», в серии исторических произведений, в «Петре I» и в «Хлебе».

Толстой говорил о себе: «Я писал почти не отдыхая. Я писал как дышал. Это моя жизнь... Мои поиски! Мое сокровенное, чем я так хотел поделиться со всеми».

Он писал о России. Безмерно много. Удивительно чудесно.

Вот хотя бы «Петр I». — Представьте себе Алексея Толстого без «Петра». Невозможно. Это уже не та биография, не тот человек. И совсем не тот писатель. Представьте его без этой темы, которая волновала русскую литературу еще с Пушкина и прошла почти незатронутой через все минувшее столетие. О ней мечтал Лев Толстой. Но чтобы поднять «Петра», нужен был наш век, и эта тема словно упала в ру-

ки Алексея Толстого. Он принял ее, как наследник.

Он был великим. Он перебрал прямой мост от наследия русской классической литературы и литературы советской, которой отдал все свое пылкое творческое вдохновение.

«В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, тоже являетесь бойцом», — писала Толстому, корреспонденту «Правды», группа фронтовиков, — и мы чувствуем, как будто Вы находитесь с нами совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие. Но оно так же остро, как наши штыки, как клинки наших красных конников, его огонь такой же удивительный, как огонь наших автоматов и пушек».

Уже 18-й год Алексея Николаевича нет с нами. В канун победы над фашизмом остановилось сердце, бившее всегда в унисон со всем лучшим, что имеет человечество. Но каждый

раз, когда вспоминаешь о писателе, кажется — он и не думал от нас уходить: настолько он отпечатлел себя в нашей душе. Едва мы говорим «Алексей Толстой», как встают одна за другой картины созданного им мира, настолько подлинного, настолько реального, что даже в голову не приходит подумать о том, что он создан из строчек: нет, он существует — вот он, рядом! Почти задевает меня плечом мальчик из челяди какого-то боярина, пробегающий по двору в белой рубашке с красной заплатой под мышкой, почти нависает на меня мчащийся на велосипеде Махно с патлами длинных волос под гимназической фуражкой, почти рядом застыла в подлой ухмылке рожа махновского палача Леви Задова, почти вижу я могучую походку Петра, почти дышит на меня обгоревший в танке Егор Дремов...

Поэтому, может быть, книги Алексея Толстого всегда согреты теплом моих рук.

Р. ВОЛОДИН

Вадим стал размышлять... «Во имя таких святынь прокопал ты, голубчик, по жизни на натянутых вожжах... Куда же привела тебя безумная жизнь с гордо поднятой головой?» («Амуров утр»).

Даша забыла, зачем пришла. Впечатления жизни, куда она кинулась из пустынного окна на улице Красных Зорь, захватили ее, как птицу буря... («Восемнадцатый год»).

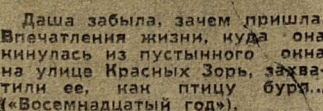
Первое время Даша подражала сестре во всем. Восхищалась ее красотой, впускала, умевшая вести себя с людьми. Перед Катинными знакомыми она робела, инстинктивно от застенчивости говорила дерзости. («Сестры»).

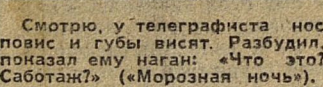
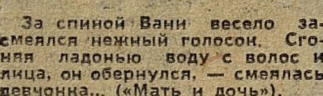
За спиной Вани весело зашумел нежный голосок. Сглотнув ладонью воду с волос и лица, он обернулся. — Смейлась девчонка... («Мать и дочка»).

140

Первое время Даша подражала сестре во всем. Восхищалась ее красотой, внусами, умением вести себя с людьми. Перед Катинными знакомыми она робела, интим от застенчивости говорила дерзости. («Сестры»).

Вместе со всем советским народом трудящихся Советская Латвия широко отмечает 80-летнюю годовщину со дня рождения замечательного мастера литературы Алексея Николаевича Толстого. Имя Толстого пользуется в нашей республике огромной популярностью. Начиная с 1941 года, вышло 18 изданий его произведений общим тиражом свыше 300 тысяч экземпляров. Кроме того, в настоящее время Латгосиздат заканчивает выпуск полного собрания сочинений писателя в четырнадцати томах.

На латышский язык произведения Алексея Толстого в разные годы переводили А. Ушниц Э. Юхневиц, Э. Лусе и Э. Дрилле и другие литераторы.

Сегодня мы публикуем репродукции нескольких иллюстраций к роману-трилогии «Хождение по мукам», выполненных рисунками мастера живописи и иллюстраций Всеволода Медведа к рассказам А. Н. Толстого.

далеко. Его тянуло к большим полотнам, к мускулистым, полнокровным властным характерам, к героическим деяниям человека. В нем, как в худож-

мысль устремляется в просторы больших событий, в историю, в широкие обобщения классового народного характера. Это читатель Толстого находит и в рассказе «Рукопись

с Пушкина и прошла почти незатронутой через все минувшее столетие. О ней мечтал Лев Толстой. Но чтобы поднять «Петра», нужен был наш век, и эта тема словно упала в ру-

уже 10-й год Алексея николаевича нет с нами. В канун победы над фашизмом остановилось сердце, бившееся всегда в унисон со всем лучшим, что имеет человечество. Но каждый

Позтому, может быть, книги
Алексея Толстого всегда согре-
ты теплом моих рук.

2nd June 1918. *Acrida*
 1st. *Missouri* *Harber* *Kaplan*